

А. П. Чехов. На пути к пониманию детства

Гриценко З.

Всякому культурному человеку известно рассуждение А.П. Чехова о детской литературе, которую он, как им самим указано в письме к Г.И. Россолимо, не любил и не признавал. У него сложился собственный подход к тому, что следует читать детям, подход, исключающий ориентацию на возраст читателя. «Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того, что уже написано для взрослых...». Основой такого отбора должен быть критерий качества: выбирать следует «из настоящих художественных произведений». Письмо датируется 1900 годом. К этому времени уже созданы «Каштанка» и «Белолобый» - рассказы, адресованные детям.

К этому времени Чехов приобрел хотя и небольшой, но удачный собственный опыт работы на благо детской литературы; при этом мнения о ее ненужности он не изменил.

Почему же писал для детей? Почему, рискнув писать для них, обратился к героям-животным? Почему так радовался успеху у детской аудитории? Почему, прежде чем писать о животных, написал ряд рассказов о детях? Можно ли написанное специально для детей считать детскими произведениями, если они, в частности «Каштанка», вызывают споры, различные толкования смысла, уводящие от понимания чеховского рассказа как детского? (См.: Катаев В.Б. Сложность и простота: рассказы и пьесы Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1998.)

Поищем ответы на эти вопросы в контексте созданного автором в 80-х XIX в. Публикация произведения, которое впоследствии станет «Каштанкой», была осуществлена в 1887 г. Рассказ вышел под названием «В ученом обществе». Годом раньше был написан рассказ «Событие», повествующий о появлении на свет жестокой смерти котят, вызвавшей столько горя и слез у маленьких брата и сестры. Опубликованный первоначально в газете, а затем в трех изданиях сборника

«Детвора», он привлек внимание исследователей, которые в один голос назвали Чехова мастером «в изображении детей и детской психологии». Э. Полоцкая позже, правда, заметила, что Чехов - «психолог особого склада». В своих рассказах он «редко описывает мысли и чувства героев», но старается сделать так, чтобы внутреннее состояние персонажа «было понятно из действий...» (Полоцкая ЭЛ. А.П. Чехов. Движение художественной мысли. М.: Сов. писатель, 1979. С. 28 - 29).

И действительно, Чехов один из немногих в литературе того времени не только в этом, но и в других рассказах о детях, написанных в 1885-1888 гг. («Кухарка женится», «Детвора», «Гриша», «Дома» и др.), столь пристально и подробно всматривается в маленького ребенка. Особенности его поведения, мышление, речь, столкновение с внешним миром и реакции на происходящее в нем, общение со взрослыми, богатство и разнообразие детских впечатлений переданы «с добродушным юмором» (К. Арсеньев) и художественной достоверностью. Исследователи не льстили молодому автору, называя его мастером.

Но при этом одна, на мой взгляд, важная мысль «События» не была ими замечена. Впрочем, это не может быть укором для кого-либо: как всякий истинный художник, Чехов каждый раз прочитывается по-новому (Л. Толстой), мы каждый раз «дорастаем» до него (Т. Щепкина-Куперник). Если рассматривать рассказ в контексте того, что будет написано позже («Каштанка», «Белолобый»), то нельзя упускать фрагмент, диссонирующий с общим тоном повествования.

Это исключаящая юмор педагогическая сентенция о том, что «в воспитании и в жизни детей домашние животные играют едва заметную, но несомненно благотворную роль».

Эта роль видится автору в том, «что терпение, верность, всепрощение и искренность, какие присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребенка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации... или же туманные разглагольствования...» (Чехов А.П. ПСС. Т. 5. С. 425.)

Чеховеды XX в. не раз говорили о том, что Антон Павлович любил скрываться за образом повествователя, вел историю от его лица. Но в «Событии», рассуждая о роли животных в воспитании человека, он пишет: «Мне кажется...». Думается, что именно здесь кроется смысл того, почему, рискнув писать для детей, Чехов обратился к теме животного мира.

В своих воспоминаниях о писателе И.А. Бунин свидетельствует: «...Антон Павлович очень любил всех животных, за исключением, впрочем, кошек, к которым он питал непреодолимое отвращение.

Собаки же пользовались его особым расположением».

Так что сказанное Чеховым в «Событии» не было каким-то художественным приемом или тем более желанием автора придать рассказу нравоучительную направленность. Фрагмент естествен и органичен для Чехова по своей жизненной природе. Но смысл его появления в этом рассказе, смею осторожно предположить, не столь прост и не к одной педагогике сводится.

Современный исследователь творчества И. Сухих приводит такие данные: «В 1880 - 1887 гг., до "Степи"... Чеховым написано уже более 500 вещей... Созданное в первое писательское восьмилетие составляет, вероятно, две трети его собрания сочинений» (Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 35).

Не будем давать оценку написанному, выявлять многообразие тематики и жанровой специфики. Ясно одно: до середины 80-х годов герой-ребенок и животное как основной герой художественного текста у Чехова практически не появлялись. Теперь же автор, который еще подписывается псевдонимом Антоша Чехонте, постепенно переходит в другую возрастную и творческую категорию. Ему нужны новые области познания жизни, новые герои, новый материал. Дети и животные как объект художественного исследования будут активно привлекательны для писателей позже, в XX в., когда они осознают не только литературное, но и педагогическое значение темы. В «Событии» для себя и других автор открывает эту тему, сближает мир человека и мир животного в восприятии детей. А рассуждения о роли животного в детской жизни всего лишь отправная точка, пассаж, несвойственный чеховской стилистике, но оправданный темой произведения и системой образов, среди которых особое место принадлежит детям. На самом деле Чехову интересны психология ребенка, особенности восприятия им окружающего мира. Не говорю о литературе - в науке того времени эти вопросы были исследованы крайне недостаточно.

Герои рассказа - шестилетний Ваня и четырехлетняя Нина семейство кошки рассматривают, как это и полагается детям их возраста, исключительно в рамках человеческих отношений. «Давай построим котяткам домик, - предлагает Ваня. - Они будут жить в разных домах, а кошка будет к ним в гости ходить...». Как всякое нормальное семейство, так и семейство кошки должно быть, по мнению детей, полным, «потому что без отца им нельзя». В «отцы» котяткам малыши назначают игрушечную «лошадь с оторванным хвостом», валяющуюся в кладовой без надобности. Заметим: мысль автора движется так же, как и детская. Он принимает все, что говорят и делают его герои, не комментирует явные нелепости, не исправляет их. Он признает старшего, Ваню, генератором идей: ему это положено по возрасту. А младшая Нина соглашается с братом, подражает ему. «Да, кто отец? - повторяет Нина». Ее рассудительность подчеркивает правоту старшего, решившего узнать, кто же «отец» котяткам. Все это - свидетельство знания автором возрастных особенностей детей, художественным средством для выражения которых Чехов избирает юмор.

То, что дети проделывают с котятками, то, что они говорят при этом, те чувства, которые отражаются на их лицах, их действия в этом рассказе суть свидетельство авторских представлений о влиянии животного на ребенка. Это художественное воплощение тех мыс-

лей, тех наблюдений за детьми, которые накопились у А.П. Чехова, человека, врача, писателя, к концу 80-х годов XIX в. В этом, как и в некоторых других рассказах, героями являются дети дошкольного возраста. Автору важно показать, «как расширяются представления маленького человека о мире» (Л. Стрелец), как в процессе познания меняется он сам. Заявив о благотворном воздействии животных на ребенка, Чехов подчиняет этой мысли архитектуру текста. Она зависит от состояния детей. Проснувшись не в духе, думающие, «к чему бы придраться, чтобы зареветь», дети вмиг преобразуются, узнав о появлении котят: становятся деятельными, жизнерадостными, поглощенными случившимся. «Обычные занятия и игры уходят на самый задний план». «Кроме ящика с котятами, Ваня и Нина не хотят знать никакого другого мира». Мир, который создают они сами, не предполагает включения в него взрослых, но при этом не становится менее значимым в смысловом плане. Дети сами путем наблюдений, опытов, ошибок приобретают знания о нем. Эмпирическая природа знаний эмоциональна, что для детей очень значимо. Они серьезные, сосредоточенны, оглушительно визжат, недоумевают, тревожатся, беспокоятся, размышляют, проявляют заботу, радуются; причем «радость их не имеет пределов», а затем сменяется мукой. Жизнь детского сердца очень важна для автора, важна именно в процессе постижения окружающего мира: «Но отчего они не глядят? – недоумевают Нина. У них глаза слепые, как у нищих». И Ваню беспокоит этот вопрос.

Описание радости от общения с котятами становится основной частью произведения. Диссонанс от фрагмента, не связанного с общим развитием действия, снят. Повествование кажется стилистически однородным. Но противопоставление как прием остается в образной системе произведения, где мир детей противоположен миру неумных и равнодушных взрослых. В общении с кошачьим семейством проявляется все ранее приобретенное детьми, весь строй отношений в семье, характеры взрослых. Если для детей котята - беспредельная радость, то для отца это гадость, которую надо выбросить на помойку. Он не скрывает раздражения, узнав о появлении котят. Ему совершенно нет дела до того, что при этом испытывают дети. Так же и мать, которую больше заботит чинность домашнего миропорядка, нежели чувства ее малышей. Боюсь банальности параллелей, но мать противоположна кошке, человек - животному.

Мордочка кошки выражает целую гамму чувств: от сентиментальности до беспокойства, жалобного предчувствия непоправимого. И саму мордочку автор называет то рожей, то рожицей. Лицо матери представляет интерес для писателя только один раз, когда дети перед чужим человеком выставили ее дом и ее саму в несколько невыгодном положении. Ни один из взрослых не разделит детской радости, но каждый из них своим безразличием, активным неприятием или парадоксальным поведением (Степан, со смехом объявивший о гибели котят) делал все, чтобы нарушить мир детей, лишить их не только радости, но - и это, видимо, главное - уверенности в наказуемости зла, жестокости, наглости. Первоначально «детям кажется, что все люди, сколько их есть в доме, всполошатся и набросятся на злодея Неро. Но люди сидят покойно на своих местах и только удивляются аппетиту громадной собаки. Папа и мама смеются». Никто из взрослых не задумывается над тем, как их слова и действия воспринимаются детьми. Здесь уже нет тех разумных, все понимающих и часто принимающих сторону ребенка матерей, нянь и дядек, какие были у Л. Толстого и С. Аксакова. Другое время. И если у названных авторов понимание внутреннего мира детей свидетельствовало о благородстве души взрослого, то у Чехова - наоборот, о равнодушии как одной из сторон безнравственности и бездуховности. Чехов верен себе. Здесь, как и в других его произведениях, на первый взгляд ничего не происходит: ну нельзя же гибель котят считать концом жизни! В то же время пока еще пунктиром, но уже обозначена перспектива дальнейшего развития взаимоотношений в этой семье.

В рассказе есть мысль, повторенная автором дважды: дети думают не только о настоящем, но и о будущем своих подопечных. «Они порешили, что один котенок останется дома при старой кошке, чтобы утешать свою мать, другой поедет на дачу, третий будет жить в погребке, где очень много крыс». Второй раз эта мысль звучит короче, но, на мой взгляд,

более выразительно: «старая кошка», «мать» заменены на «старуха-мать». Писатель ищет то слово, которое наиболее точно отразит чувства детей. «Старуха» звучит жалобно и обреченно. Услышав это слово, нельзя не разделить детскую заботу: ведь они думают о будущем семьи, о спокойной жизни кошки. Замена производится после того, как сердитый глава семейства, не выбирая выражений, требует «выбросить котят в помойку». Приказ не только приводит детей в ужас, но и разрушает созданную ими, как бы мы сейчас сказали, модель счастливой кошачьей старости и судьбу деревянной лошадки.

Обреченно звучащее словосочетание «старуха-мать» читается как своеобразный намек на будущее самих родителей. До сих пор увлеченные котятами и жившие своим мирком малыши теперь «капризничают, грубят матери», ненавидят пришедшую вместе с дядей собаку, ставшую впоследствии причиной трагедии. Период радостной детской жизни завершен.

Финал рассказа краток и красноречив: дети «ложатся спать, плачут и долго думают об обиженной кошке...». В их душах укрепляется ненависть к Неро, «жестокому, наглому» и - это главное - оставшемуся ненаказанным. Первое серьезное столкновение детей с внешним миром оказалось для них более чем драматическим. Контраст как художественный прием усиливает положение. Радость от общения с животными сменяется горечью от общения с людьми. От добродушного юмора не остается и следа. Рассказ начинается с описания готовых расплакаться детей и заканчивается их слезами.

А.П. Чехов говорил о том, что в своей работе рассчитывает на читателя, который проявит свое отношение к написанному, добавит «недостающие в рассказе субъективные элементы». Это субъективное отношение к тексту не исключает мысли о том, как, в какую сторону меняется сознание детей от того, что они увидели в отце и других взрослых в момент сообщения о гибели котят. Отсюда краткость финала. Она может быть рассмотрена как желание автора ограничить читателя в его восприятии текста. Ведь свое понимание роли животных в жизни детей он уже высказал.

Этим и интересен рассказ как литературное явление в новом периоде чеховского творчества: он говорит взрослым о них самих, описывает не их жизнь, как было до сих пор. Он описывает душевную жизнь детей, которую необходимо понять, потрудиться вникнуть в нее, не считать мир ребенка неким примитивом, не достойным внимания взрослых. Такова эстетическая позиция писателя. В рассказах о детях он творит особое художественное пространство, далекое от педагогики, но созвучное ее идеям.

Естественно, что и «Событие», и др. рассказы Чехова, в которых ведущими героями являются дети или животные, нельзя безоговорочно назвать детскими, равно как и безоговорочно юмористическими, развлекательными. Различные бытовые сцены, участниками которых являются дети, видимо, невольно становятся для автора некими психолого-педагогическими обобщениями, без чего вообще невозможно описание детства и что способствует его пониманию.

Но Чехов прежде всего художник, рассказ интересен не только содержанием, но и способом его выражения, где есть целый ряд «говорящих деталей», свойственных чеховской манере письма и углубляющих смысл текста своей многозначностью. Это картонные коробки от шляп, куда дети хотят расселить котят, намекающие хрупкость, ненадежность, недолговечность как кошачьего дома, так и существования полной кошачьей семьи. Это деревянная лошадка-«отец», по природе своей неспособная защитить назначенных ей «детей» Это «твердый, как палка» хвост Неро, которым он «стучит по детям, как по стульям», безразлично, холодно, тупо двигаясь по комнате. Дети хотели его сделать «отцом» котят, потому что «он живой». Оказалось - «дохлый» в своей неспособности подавить инстинкт. Не менее интересен своей многозначностью и заголовок рассказа, который заставляет думать над тем, какое событие - рождение или гибель котят - стало для автора отправной точкой в выборе названия, сделало его эмоционально насыщенным. Если рождение котят осознавать как значительное явление, то дальнейшее повествование потеряет остроту. Если таким явлением назвать гибель животных, то предшествующее ей содержание по своему пафосу не настраивает на такой трагический конец. Загадка заголовка связывает эти два явления в единое це-

лое, делает их масштабными. Но сам масштаб видится не во взрослом, а в детском восприятии, что подчеркивает значимость героев-детей, полноту их внутреннего мира, которую не способны заметить и разделить взрослые. В связи с этим добродушный юмор, свойственный основной части произведения и СВЯЗАННЫЙ с детьми, перетекает в финальный безразличный смех взрослых, не ощущающих, а значит, и не разделяющих трагического мировосприятия детей.

Современники автора отмечали его удивительное умение в крохотном рассказе изобразить целую жизнь, не только настоящее, но и прошедшее и будущее своих героев. Какой - то простой случай, «осколок», «мелочишка», незаметное обычному взгляду явление Чехов превращал в художественный шедевр, каким, собственно, и является его первый адресованный детям рассказ «Каштанка» (1892). Он вырос из «События». Возьму на себя смелость сказать, что «Каштанка» - это продолжение тех идей, которые были заявлены в предыдущем рассказе, но оказались нереализованными по причине того, что не животные, а дети являются главными героями произведения.

В «Каштанке» автор говорит о том, что есть животное, что свойственно ему, как оно само выстраивает свои отношения с людьми. «Каштанка», «Белолобый» - это своего рода убеждение - с помощью художественных возможностей - взрослых в том, чего они не поняли в «Событии»: животное имеет душу, часто страдающую, преданную, нравственно более чистую, чем человеческая. Вспомним всепрощение Каштанки, трогательную заботу о детенышах старой волчицы, и станет ясно: детскими эти произведения можно назвать с натяжкой. Они для нас, взрослых. Это мастерский чеховский урок педагогики и психологии детства. Нам осталось только дорасти до него.

«Деспотизм преступен трижды...»

Антон Павлович Чехов родился 17 января (по старому стилю) 1860 г. в семье бывшего приказчика, ставшего хозяином мелочной лавочки. Отец Павел Егорович личностью был разносторонне одаренной: выучился самоучкой играть на скрипке, увлекался живописью. Самым сильным его увлечением был созданный им церковный хор. Неслучайно Антон Павлович говорил о себе и о своих братьях и сестре: «Талант в нас со стороны отца...». И неслучайно отмечал: «В детстве у меня не было детства». Что он подразумевал под этим? Очень многое. Прежде всего режим жизни. Собственно, это был почти каторжный трудовой режим. День детей распределялся между лавочкой, гимназией, опять лавочкой, бесконечными спевками и репетициями и такими же бесконечными церковными и домашними молениями. Кроме того, дети учились ремеслу, Антоша - портняжному. А главное, с малых лет его приучали и к счетному делу, к искусству торговли - почтительному обращению с покупателями и приемам «обмеривания, обвешивания и всякого торгового мелкого плутовства». Одним словом, Павел Егорович воспитывал своих детей деспотически. Порки были частым явлением в семье, где царило самодурство, мещанство, чудачество. Ведь неслучайно в письме к брату Александру, упрекая его в самовластии, неуравновешенности в отношении к детям, Антон Павлович писал: «Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Деспотизм преступен трижды...». И так же неслучайно в одном из поздних рассказов под названием «Три года» запечатлены муки и унижения детства героя, которыми наполнены письма писателя. «Я помню, отец начал учить меня, или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня?».

И тем не менее, несмотря на всю суровость жизненных испытаний, пафос свободы от всех видов и деспотизма и рабства, пафос достоинства и независимости личности станут главными как в жизни самого Чехова, так и в его творчестве.